

А. А. Крютченко

К вопросу о преднамеренном обжиге валов лесостепных городищ скифского времени

Вопросы фортификации занимают важное место среди проблем, связанных с изучением военного дела населения Восточной Европы в VII—II вв. до н. э. Памятники военной инженерии того времени представлены, прежде всего, городищами и, в некоторой степени, длинными валами. Основная масса материалов исследований скифских укреплений происходит из раскопок, проведенных еще в 50–60 гг. XX в. В последнее время в археологической науке наметилась тенденция к пересмотру основных постулатов, сформированных еще в советский период. Так, возникшая и, как казалось, решенная

к середине 80–х гг. проблема, связанная с объяснением слоев прожженной глины, обнаруженных в слоях ряда городищ скифского времени, вновь стала предметом научных споров.

Впервые вопрос о преднамеренном прожиге валов был поставлен в трудах чешских и немецких исследователей средневековых городищ еще во второй половине XIX в. [1, с. 257–271]. В русскоязычной историографии информация появилась уже в 1898 г. в работе Любора Нидерле «Человечество в доисторические времена...» [2, с. 538–540]. Ко времени выхода данной работы чешскими и немецкими исследователями уже было предложено два варианта реконструкции процесса спекания грунта в насыпи «славянских» валов. Первый заключался в разведении большого костра на поверхности вала. Согласно второму варианту территория, отведенная для возведения вала, по всей площади засыпалась древесным углем, который после перекрывал слой песка. На некоторых участках между слоем песка и угля находилась прослойка глины. Сооружение перекрывалось слоем камней, уложенных специально таким образом, чтобы образовались продухи; сверху они перекрывались еще одним слоем камней. Жар от углей спекал песок до остекленения. С целью увеличения толщины прожженного слоя, подобная операция повторялась три раза [1, с. 260–271].

Касательно памятников раннего железного века вопрос был поднят в конце 40-х гг. прошлого века. В 1938–1946 гг. в бассейне р. Тясьмин с целью изучения уже известных городищ, а также исследования их окрестности были проведены крупномасштабные археологические разведки и раскопки под руководством И. А. Фабрициус [3, с. 80]. Одним из направлений деятельности экспедиции было изучение оборонительных сооружений скифского времени. В валу Шарповского городища были выявлены участки с обожженной глиной и древесные угли [3, с. 85]. На уровне древней дневной поверхности зафиксированы следы столбовых ям и обугленные концы столбов. На основе этих материалов автор сделала вывод об их преднамеренном обжиге и реконструировала процесс прожига валов следующим образом: специально заготовленные для постройки укрепления бревна укладывали на перекладыны, поддерживаемые четырьмя столбами (по два с каждого края) таким образом, чтобы получилось двускатное сооружение. Боковые столбы образовывали подобие печного «горла», в которое можно было подбрасывать дрова по мере их сгорания. Устроенная подобным образом

конструкция перекрывалась сырой землей из оврага. Насыпь, перекрывавшая изначальное сооружение, пропекалась в результате сжигания бревен. После обрушения сгоревшая, еще тлеющая конструкция перекрывалась слоем земли (рис. 1). Автор реконструкции допускала, что во время пропекания насыпи также действовал продух. И. А. Фабрициус указывала на то, что прожиг совершался не по всей площади укреплений, а только лишь на отдельных участках, соединенных, по ее мнению, между собой отрезками утрамбованной земли [3, с. 87–88]. И. А. Фабрициус считала, что суть пропекания заключалась в укреплении поверхности вала и оно использовалось, как альтернатива каменной крипиде [3, с. 88].

Прожиг сердцевины в валах отмечали и другие исследователи. Так, А. И. Тереножкин отмечал прожженную сердцевину во внешнем вале Мотронинского городища [4, с. 89]. Фиксировала подобные отложения в валах правобережных городищ и В. Г. Петренко [5, с. 59]. Исследователи правобережных городищ практически единогласно приняли тезис о намеренном прожиге вала. Обнаруженные слои обгоревшей глины интерпретировали, со ссылкой на И. А. Фабрициус, как следы укрепления поверхности вала.

Интересные данные были получены А. И. Мелюковой при раскопках оборонительных сооружений городища у села Поливанов Яр в Кальменецком районе Черновицкой области. Тут наблюдалась картина, схожая с уже известными пунктами в Лесостепном Приднепровье, но, в отличие от других памятников, вал был дополнительно облицован по наружной стороне известняковым камнем [6, с. 32]. Хотя А. И. Мелюкова и связывала горелую глину со следами специального обжига, наличие облицовки вала говорит о том, что для укрепления от его оползания прожиг было явно недостаточно. Кроме того, факт фиксации камней, наравне с обожженной глиной, свидетельствует не в пользу тезиса И. А. Фабрициус об использовании прожженной глины в качестве альтернативы камню.

Г. И. Смирнова, основываясь на материалах Севериновского городища, связывала слои прокаленной глины со следами пожара и отмечала, что вал со следами обожженной глины был воздвигнут уже на существовавшем поселении [7, с. 91–92].

Впервые о намеренном пропекании в валах на левобережных памятниках писала В. А. Ильинская, интерпретируя материалы раскопок Ширяевского городища [8, с. 109–122]. На краю поселения была открыта площадка из плотно утрамбованной глины. Подошва этой площадки была прожжена. В основе этой насыпи находились слои дерева, угля и золы. Под действием огня нижний слой был прожжен до состояния «крошкой» массы. Исследователь считала, что прожженная площадка предназначалась для укрепления искусственной насыпи с целью избегания ее смещения и размывов [8, с. 111–112].

Во время раскопок С. А. Семенова-Зусера на городище Б. Гомольша в 1949 г. было зафиксировано, что в некоторых случаях обугленная древесина, расположенная возле подошвы вала, перекрыла часть насыпи, которая провалилась и погасила горящую древесину [9, с. 1–21]. Данные наблюдения впоследствии были использованы как один из аргументов против теории о намеренном выпале сердцевины вала [10, с. 191].

Противником теории о намеренном обжиге валов выступил Б. А. Шрамко. Он отмечал, что обожженная глина вала имеет рыхлую структуру и нигде не образует прочной корки. По мнению исследователя, остатки скопления обпаленной глины являлись результатом разрушения вследствие пожара бревенчатой стены, остатки которой перекрыл глинобитный вал [10, с. 191; 11, с. 94]. А. И. Пузикова, основываясь на материалах раскопок Русской Тростянки, также пришла к аналогичному выводу [12, с. 45]. А. А. Моруженко даже связывала следы пожаров на валах с походом Дария I и борьбой лесостепных племен со скифами в дальнейшем [13, с. 50–51; 14, с. 131; 15, с. 168–169].

После отказа в 1983 г. от теории о намеренном прожжении валов В. А. Ильинской [16, с. 265], столь долго поддерживающей идею И. А. Фабрициус, сложилось мнение о том, что вопрос окончательно закрыт.

Таким образом, на первом этапе исследователи основывались в основном на интерпретации материалов собственных раскопок. Наблюдалась четкая поляризация мнений.

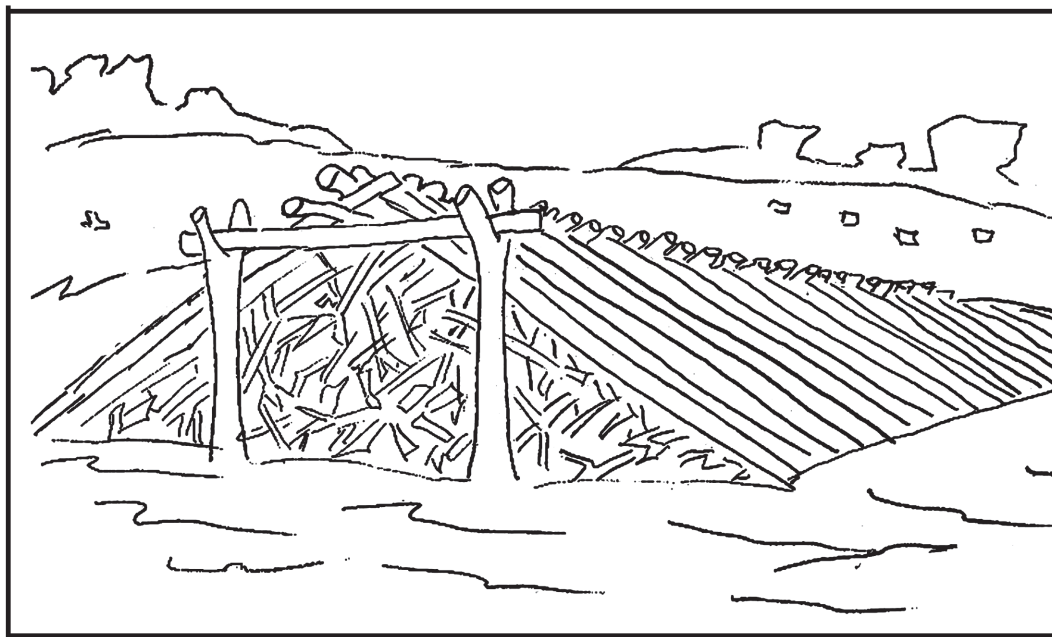

Рис. 1. Реконструкция процесса обжига вала (по [3, с. 87])
 Fig. 1. Reconstruction of process of burnt of billow (by [3, p. 87])

Признавая, либо не признавая намеренное пропекание валов на отдельном памятнике, авторы переносили данную модель на все остальные городища. Противники тезиса так и не смогли объяснить, почему следы пожаров в валах (будь то случайное возгорание либо преднамеренный прожиг) не фиксируются на самих поселениях.

Вновь проблема приобрела актуальность после проведения ряда исследований городищ на Среднем и Верхнем Дону, а также в бассейне Северского Донца. Основываясь на материалах 1 Перехвальского городища, И. Е. Бирюков первым «вернулся» к вопросу о намеренном прожжении сердцевины вала. В валах поселения были обнаружены мощные слои прожженной глины. Аналогичная ситуация обнаружена на городищах Александровское и Рябинки [17, с. 98]. К подобным выводам по результатам раскопок на Аверинском городище пришли В. Д. Березуцкий и А. Т. Синюк [18, с. 156]. Также на Аверинском укреплении зафиксированы слои желтой глины, которые перекрывали обожженную глину. Авторы связали их со следами «доливки» [18, с. 157]. Схожую ситуацию отметил А. А. Шевченко на городище Рассошки 1 на Среднем Дону [19, с. 137]. К подобным выводам пришли и исследователи северскодонецких памятников — Мохнач [20, с. 338–340; 20, с. 130–135], Водяное [22, с. 112], Циркуны [23, с. 18–29] (рис. 2: 1–4).

В совместной статье Д. С. Гречко и Г. Е. Свистун обобщили данные о некоторых аспектах в изучении городищ скифского времени северскодонецкого региона. Публикация посвящена вопросу о намеренном прожжении оборонительных сооружений [23, с. 23–24]. Авторы привели свой вариант реконструкции данного процесса (хотя и допустили версию И. А. Фабрициус): на месте, определенном для строительства, в результате сжигания большого количества древесины, была возведена раскаленная зольная подушка, на которую сверху выкладывали предварительно увлажненную глиняную массу. Благодаря увлажнению, увеличивалась степень и качество обжига сердцевины вала [23, с. 24; 19, с. 338–340].

В вышедшей в 2010 г. монографии Д. С. Гречко указал прожиг сердцевины вала в числе характерных особенностей северскодонецких городищ скифского времени [24, с. 30]. А. И. Бабенко довольно критично отнесся к «реанимированной» Д. С. Гречко

теории о намеренном прожиге валов. Неясной выглядит схема, при которой слой углей пропекал 70-сантиметровый слой глины, не прокаливая ни сантиметра слоя земли под ним. А. И. Бабенко объяснил появление слоев пропеченной глины возможным ведением строительных работ в зимний период. Выжженный для оттаивания перед прокопкой рва грунт выкладывали на вал [25, с. 359].

На современном этапе одним из основных противников теории о намеренном обжиге сердцевины вала является Ю. Д. Разуваев. В статье «О следах военных столкновений на городищах...» автор отмечает, что «самоценность реконструируемого ими (И. А. Фабрициус, Д. С. Гречко, В. В. Колода, Г. Е. Свистун, Ю. Г. Чейндев — А. К.) строительного приёма остается не доказанной» [26, с. 235]. Автор связывает пожары со следами военных столкновений. [26, с. 235–245]

Интересную версию о причинах появления следов пожара выдвинул П. Я. Гавриш на материалах Бельского городища. [27, с. 62–65] Автор связывал их со следами реконструкции укреплений самими жителями городища, однако никаких фактов в подтверждение своей теории исследователь не приводит.

Заканчивая историографический обзор, отметим, что прожженные слои встречаются в валах городецкой [28, с. 64], дьяковской культур в Подмоскovie и на верхнеокских памятниках эпохи раннего железа [29, с. 58].

А. С. Сыроватко фиксирует аналогичные слои на Протопоповском городище дьяковской культуры. В разрезе вала подстилающий слой золы чередуется с пропеченной глиной. Автор отождествляет данные слои со специфическим приемом древних строителей [29, с. 58]. Интересно заметить, что при разрезе соседнего участка оборонительной линии слоев пропеченной глины обнаружено не было [29, с. 61].

Известна также серия хозяйственных ям со следами обжига. В Яме № 3 на городище у с. Полковая Никитовка [13, рис. 22.8] стенки были обмазаны глиной и обожжены. Следы обжига фиксируются на некоторых ямах Марицкого [30, с. 31], Бельского городища [31, с. 323–324] и ряда других поселений. Случаев использования техники прожжения для фиксации столбовых конструкций зафиксировано не было.

Новые археологические раскопки, проведенные в 1990–2000-х гг. в бассейне Северского Донца и Дона, обозначились значительным расширением числа памятников, в укреплениях которых были зафиксированы следы обожженной глины. Версия о десятках нападений на городищах по всей Лесостепи, результатом которых стало стирание лишь небольшого отрезка укрепленной линии, в свете новых раскопок выглядела совсем несостоятельной ввиду отсутствия данных на рассматриваемых нами поселениях, которые соответствовали бы документально засвидетельствованным следам нападений, ярким примером которых может служить разрез вала Трахтемировского городища [37, с. 76–89]. Как следствие, ряд исследователей вернулись к «реанимированной» теории И. А. Фабрициус.

Итак, несмотря на то, что теория довольно длительное время работает в археологической науке, остаются вопросы, ставящие под сомнение теоретические разработки «за» и «против».

Так, угольно-золистые прослойки, обнаруженные под слоем прожженной глины на рассмотренных нами укреплениях, не прожигают ни на сантиметр погребенную почву. Фиксируется некая направленность прожигания. Зачастую степень прокала глины плавно уменьшалась от подстилающего скопления золы [23, с. 23], либо слои прокаленной глины фиксируются сплошным пластом без видимого перехода от сильно обожженных слоев грунта к менее обожженным, а угольные прослойки не фиксируются [19, с. 137]. Третий вариант прожжения, известный в основном за пределами скифской культуры, представлен чередованием угольно-золистых прослоек со слоями глины [1, с. 260–271; 29, с. 58].

Еще одной интересной конструктивной деталью валов, содержащих в своей основе обожженную глину, можно считать, по нашему мнению, тот факт, что столбовые конструкции не углублялись в материк или суглинок, а крепились непосредственно в нее

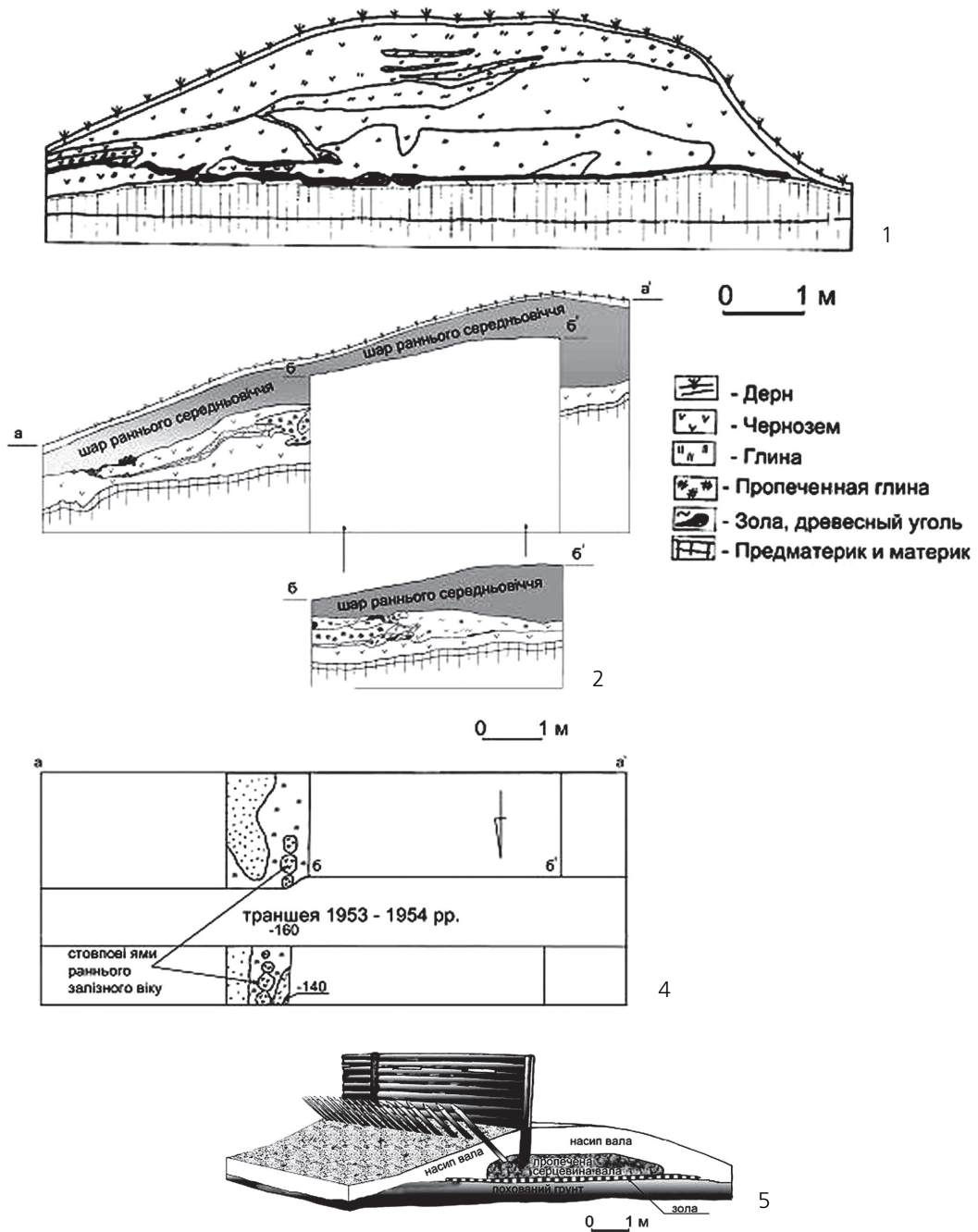

Рис. 2. Разрезы укреплений со следами обожженной глины и примеры их реконструкции: 1) Оборонительные сооружения Циркуновского городища (по [23, с. 25]); 2–3) Оборонительные сооружения Мохначанского городища (по [23, с. 23]); 4) Реконструкция вала Циркуновского городища (по [23, с. 26])

Fig. 2. Cuts of fortifications with tracks of the burnt clay and examples of their reconstruction: 1) Defensive constructions of Cirkunovskoe settlement (by [23, p. 25]); 2–3) Defensive constructions of Mokhnachansko settlement (by [23, p. 23]); 4) Reconstruction of billow of Cirkunovskoe settlement (by [23, p. 26])

или в других слоях на ее уровне. Это свидетельствует о том, что строители по какой-то причине не могли, либо не хотели закрепить их на уровне дневной поверхности.

Ни в одном случае нет данных о том, что прокаленная глина — результат разрушенного при пожаре предыдущего строительного периода. На это указывает и отсутствие, за единственным исключением [3, с. 80–82], следов каких-либо конструкций, предшествовавших возведению вала.

Прожиг в некоторых случаях не создавал плотной корки [10, с. 91]. При этом образовывалась сердцевина вала, которой было недостаточно для укрепления его от сползания в ров, и, по возможности, строители укрепляли вал камнем [6, с. 32].

Сомнение вызывает тезис о простоте прожига глины [22, с. 112]. Об этом свидетельствует и сам процесс, реконструируемый сторонниками теории преднамеренного обжига. Действительно, прожженная сердцевина вала лежит в основе первого строительного периода в линии укреплений, но эта линия возводилась на тех поселениях, которые достраивались, дополнительно укрепляясь [32, с. 9–15; 8, с. 109–122], или расширяли свою площадь [33, с. 31]. Жизнь на этих поселениях уже существовала [33, с. 31; 7, с. 91–92]. К тому же, более ранние укрепления не имеют следов прожжения [33, с. 31; 33, с. 228–230].

Следует отметить, что и в пределах одного вала, во всех зафиксированных случаях, прожженные слои встречаются не по всей площади оборонительной линии, а на отдельных участках [35, с. 55–59; 3, с. 82–85]. При этом количество таких участков не установлено. Данное явление может отражать технику возведения оборонительных линий. Как показывают аналогии с английскими оппидумами, укрепления начинали возводить не по всей площади одновременно, а в нескольких точках [36, с. 243]. Вполне вероятно, что с участков валов, в толще которых фиксируются слои прожженной глины. Отсутствие следов термической обработки на подстилающей укреплению погребенной почве на валах городищ, на наш взгляд, указывает на то, что сам процесс прожига не мог происходить непосредственно на месте строительства вала.

Интересно заметить, что среди культовых сооружений известен комплекс, обнаруженный Б. А. Шрамко на городище Караван. Культовое святилище с запада огибал обожженный докрасна глиняный вал [38, с. 184]. Но никто из исследователей не связывал слои прожженной глины с результатом действия культового огня.

Таким образом, слои обожженной глины являются чертой серии укреплений раннего железного века и известны на многих Восточноевропейских памятниках. Несмотря на то, что данное явление находилось во внимании ученых уже длительное время, невыясненными остаются вопросы, связанные с их происхождением и функциональным назначением. Вполне вероятно, что данное явление маркирует место, с которого начиналось расширение (достройка) укреплений городища.

Ключевые слова: Лесостепь, скифская культура, фортификация, городища, прожженная глина.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Virchow R.* Über die gebrannten Schlackenwälle der. Oberlausitz // *Zeitschrift für Ethnologie.* — 1870. — № 2.
2. *Нидерле Л.* Человечество в доисторические времена. Доисторическая археология Европы и в частности славянских земель. — СПб., 1898.
3. *Фабрициус I. А.* Тясминська експедиція // АП УРСР. — 1949. — Т. II.
4. *Тереножкин А. И.* Поселения и городища в бассейне реки Тясмина // КСИИМК. — 1952. — Вып. XLIII.
5. *Петренко В. Г.* Культура племен Правобережного Среднего Поднепровья в IV—III вв. до н. э. // МИА. — 1961. — № 96.

6. Мелюкова А. И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // МИА. — 1958. — № 64.
7. Смирнова Г. И. Севериновское городище [по материалам Юго-подольской экспедиции 1947–1948, 1953 гг.] // АСГЭ. — 1961. — Вып. 2.
8. Глінська В. А. Городище скіфського часу на р. Сеймі (за матеріалами досліджень 1950 р.) // Археологія. — 1952. — VIII.
9. Семенов-Зусер С. А. Археологические раскопки на территории с. Большая Гомольша в 1949 году // НА ІА НАНУ. — 1949/17.
10. Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. — Х., 1962.
11. Шрамко Б. А. Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон // Скифский мир. — К., 1975.
12. Пузикова А. И. Поселения Среднего Дона // МИА. — 1969. — № 151.
13. Моруженко А. А. История населения лесостепного междуречья Днестра и Дона в скифское время: дис. доктора ист. наук. — Донецк, 1989.
14. Моруженко А. О. Досягнення радянських археологів у вивченні лісостепових поселень скіфського часу // ВХУ. — 1967. — Вып. 2.
15. Моруженко А. А. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII—III вв. до н. э. // СА. — 1985. — № 1.
16. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII—IV вв. до н. э. — К., 1983.
17. Бирюков И. Е. Первое Перехвальское городище на Верхнем Дону // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. до н. э. — Воронеж, 1998.
18. Ситюк А. Т., Березуцкий В. Д. Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы — ранний железный век). — Воронеж, 2001.
19. Шевченко А. А. Оборонительные сооружения городища скифского времени Россошки I на Среднем Дону // Археологические памятники Восточной Европы. — 2006. — Вып. 12.
20. Чендев Ю. Г., Колода В. В. Архитектура земляных валов городища Мохнач с точки зрения палеографии и почвенной геохимии // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. — К., 2004.
21. Свистун Г. Е., Чендев Ю. Г. Восточный участок обороны Мохначанского городища и его природное окружение в древности // АЛЛУ. — 2002. — № 2.
22. Гречко Д. С., Свистун Г. Е. Захисні споруди городища біля с. Водяне на Харківщині // Археологічні відкриття в Україні у 2002–2003 рр. — К., 2004.
23. Гречко Д. С., Свистун Г. Е. Деякі питання вивчення лісостепових городищ скіфського часу на Сіверському Дінці // Археологія. — 2006. — № 4.
24. Гречко Д. С. Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. — К., 2010.
25. Бабенко А. І. Рецензія на монографію Гречко Д. С. Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. — Київ: Інститут археології НАН України, 2010. — 286 с., 118 рис. // Древности, 2010: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2010. — Вып. 9.
26. Разуваев Ю. Д. О следах военных столкновений на городищах скифской эпохи в Лесостепном Подонье // Древности Восточной Европы. — Х., 2011.
27. Гавриш П. А. Памяткоохоронні роботи в Більському городищі // Археологічні дослідження в Україні 2006–2007 рр. — К., 2009.
28. Сапанулжина Т. В. Особенности Донского локального варианта городецкой культуры // Научные ведомости Белгородского государственного университета. — 2008. — № 10(50). — Вып. 8.
29. Сыроватко А. С. Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. — М., 2009.
30. Пузикова А. И. Марицкое городище в Посеймье. — М., 1981.
31. И. Б. Шрамко Исследование зольника 10 на Западном укреплении Бельского городища в 2008 г. // Археологічні дослідження в Україні 2008 р. — К., 2009.
32. Колода В. В. Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динаміка заселення його округи // Археологія. — 2007. — № 2.

33. Крютченко А. А., Пеляшенко К. Ю. Этапы фортификационного строительства на Циркуновском городище // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VIII Международной науч. конф. — Х., 2012.
34. Пеляшенко К. Ю., Крютченко О. О. Дослідження на городищі скіфського часу біля с. Циркуни на Харківщині у 2008 // Археологічні дослідження в Україні 2008 р. — К., 2009.
35. Шелехань О. В. Оборонні споруди Северинівського городища скіфського часу в басейні р. Південний Буг // Магістеріум (Археологічні студії). — 2009. — Вип. 45.
36. Piggot, S. Ancient Europe from the beginning of Agriculture to Classical Antiquity. — Edinburg, 1965.
37. Фиалко О. С., Болтрик Ю. В. Напад скіфів на Трахтемирівське городище. — К., 2003.
38. Шрамко Б. А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке // СА. — 1957. — № 1.

Резюме

Крютченко О. О. До питання про навмисний випал валів лісостепових городищ скіфського часу

Теорія про навмисний випал серцевини валів змодельована І. А. Фабріціус, спочатку була одностайно прийнята усіма дослідниками. Згодом Б. А. Шрамко, базуючись на власних дослідженнях городищ в басейні р. Сіверський Донець, висунув низку аргументів проти теорії навмисного випалу. Шари обпаленої глини у подальшому пов'язували з пожежами, що виникли внаслідок військових сутичок чи з суто побутових причин. У 1990–2000-х рр. через значне збільшення кількості пунктів, на яких були зафіксовані сліди обпаленої глини, деякі дослідники знову повернулися до «реанімованої теорії».

Ключові слова: Лісостеп, скіфська культура, фортифікація, городища, пропечена глина.

Summary

A. Kryutchenko. About the Theory of Intentional Burning of Shafts in the Forest-Steppe Settlements During Scythian Times

The theory of intentional burning of the core of shafts proposed by I. A. Fabritsius was unanimously accepted by all researchers at first. Subsequently, B. A. Shramko proposed contradictory arguments against the theory of intentional burning. He based his arguments on his own research of settlements in the area of Seversky Donetz River. As a result, the balls of burnt clay were associated with fires caused by wars or by domestic reasons. In 1999–2000 years, due to increase in the number of places where observed traces of burned clay were observed, some scientists returned to the “reanimated theory” again.

Key words: forest-steppe, the Scythian culture, fortification, the hillfort, the burnt soil.

